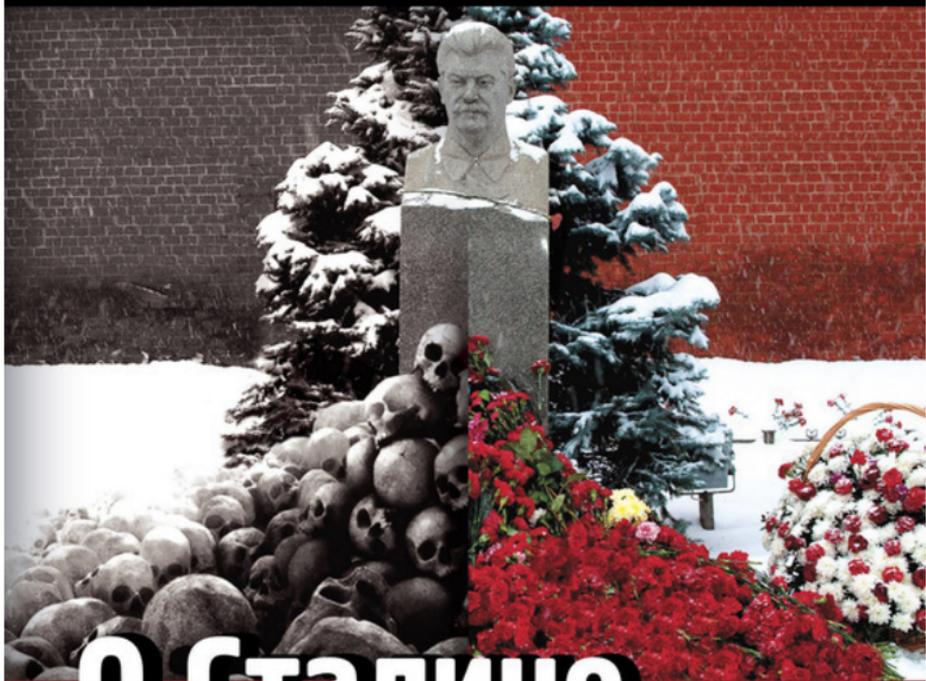

Феликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО
ИСТОРИЮ

**О Сталине
без истерик**

bhv®

Феликс Николаевич Медведев

О Сталине без истерик

Серия «Окно в историю»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7056351

О Сталине без истерик.: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-9775-0863-6

Аннотация

Книга посвящена Сталину и сталинщине. Кроме интервью автора с теми, кто лично знал «вождя народов», – его приемным сыном Артемом Сергеевым, последним кремлевским наркомом Николаем Байбаковым, Серго Микояном, вдовой Николая Бухарина Анной Бухариной-Лариной, Сергеем Михалковым, – в книгу вошли фрагменты бесед на большую и по-прежнему актуальную тему с дочерью Карла Радека Софьей, художником Михаилом Шемякиным, французским философом-социалистом Роже Гароди, писателем Эдуардом Лимоновым и другими. В книге использованы письма, стихи, фотографии на тему сталинщины из архива автора.

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Каким запомнили его они	9
Глава 1. Приемный сын Сталина генерал Артем Сергеев: «Я выжил потому, что молчал»	9
Глава 2. Последний кремлевский нарком Николай Байбаков: «Я кашлянул, и Сталин обернулся»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Феликс Медведев

О Сталине без истерик

© Медведев Ф. Н., 2013

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Имя Феликса Медведева, российского журналиста, легендарного «огоньковца», внука репрессированного при Сталине венгерского революционера, поэта, врача Золтана Партоша, известно у нас в стране и за рубежом. Начал печататься в СМИ в 1954 году. Лауреат премий Союза журналистов СССР, журналов «Огонек», «Москва», «Родина», газет «Литературная Россия», «Вечерний клуб» и др., «живой классик жанра», «мастер “непричесанных” интервью», он более чем за полвека работы в прессе опубликовал неисчислимое

количество материалов. Его интервью с Г. Г. Маркесом, Ф. Саган, А. Миллером, И. Бродским, Н. Берберовой, Великим князем В. К. Романовым, К. Воннегутом, М. Горбачевым, Г. Вишневской, Б. Березовским и другими деятелями мировой культуры и политики становились сенсациями. Две публикации Ф. Медведева вошли в «Хрестоматию отечественной журналистики второй половины XX века» (изд-во МГУ, 2009).

В 1987–1990-х годах вел телепередачи «Зеленая лампа» и «Парижские диалоги». Автор книг «Трава после нас», «Цена прозрения», детектива о гибели принцессы Дианы «Смерть под вспышкой», «Я устал от XX века», «Я тебя никогда не забуду» (об А. Вознесенском), «Мои великие старухи», «Мои великие старики» и др.

Предисловие

*Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?
Их не угомонить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие все малюют, и возносят,
и молятся, и жаждают воскресить.*

Булат Окуджава

Тема Сталина сегодня в моде. Прилавки книжных магазинов заполняют все новые и новые штудии о жизни и деятельности «вождя народов». Авторы самого разного профиля – историки, романисты, банальные графоманы... Оскорбительным для многих верующих людей стало название одного «шедевра» – «Христос и Сталин».

Я не имею никакого отношения к «самому-самому» из «самых-самых». Кроме, пожалуй, двух-трех пересечений чудовищных событий под названием «сталинщина» с моей обыкновенной биографией.

Во-первых, родился я 22 июня 1941 года ранним утром, часа в четыре... Как поведал мне наш старейший актер Владимир Этуш, он именно в это время, после выпускного бала шел по улице Горького домой и вдруг увидел, что по направлению к Кремлю несутся два черных лимузина. «Ночью

в Кремль... неужели война?» – подумал он.

И точно. Это ехал к министру иностранных дел СССР Молотову посол Германии Шуленберг, чтобы объявить Кремлю о начале военных действий Гитлера против Советского Союза. Можно предположить, что ранним утром 22 июня товарища Сталина неожиданно разбудили. И вслед за этим он исчез из поля зрения своего народа до... 3 июля, когда, наконец, выступил перед страной по радио.

Вторая «привязка» к теме «Сталин» трагична. Это три ареста сталинско-нквдэшной конторой моего деда – венгерского эмигранта, врача по профессии, революционера по призванию, поэта.

И еще один момент. Я живу в той части Трубной площади, которая примыкает к стене древнего Рождественского монастыря. Именно эти 100–200 метров земли 6 марта 1953 года были залиты кровью тысяч москвичей, стоявших в гибельной многокилометровой очереди в Колонный зал Дома союзов, где лежало тело вождя народов, и попавших в смертельную давку. Всякий раз, когда я спускаюсь по Рождественскому бульвару к Трубной площади, мне мерещится на асфальте кровь тех, кто шел проститься с «генералиссимусом прекрасным»...

Как журналист я общался со многими своими коллегами, а также с государственными деятелями, учеными, писателями, военными, родившимися в начале века и лично встречавшимися со Сталиным, и с теми, кто в свое время слушал

рассказы других о встречах с ним. Кроме этого, во многих интервью мы с моими собеседниками, рассуждая об истории страны, в том или ином контексте касались фигуры «вождя народов», говорили о трагических судьбах современников в годы репрессий. Все эти свидетельства различны, противоречивы, в чем-то субъективны, но этим и интересны. Думаю, они имеют право быть обнародованными и сведенными под одной обложкой. Без каких-либо комментариев.

Мне кажется, эта неожиданная и необычная «сталиниада» может еще раз напомнить нам об опасности для страны культа «вождизма».

Часть I. Каким запомнили его они

Глава 1. Приемный сын Сталина генерал Артем Сергеев: «Я выжил потому, что молчал»

Оприемном сыне Сталина я узнал лет сорок тому назад из знаменитой когда-то книги французского писателя Анри Барбюса «Сталин». Больше об Артеме Сергееве я нигде не читал и ни от кого не слышал этого имени. И только в перестроечные времена Анна Михайловна Бухарина-Ларина рассказала мне о человеке, который попал в семью «вождя народов» в раннем детстве как ребенок-сирота. Отцом же его был прославленный революционер «товарищ Артем», погибший в 1921 году. Но в 1980-е годы найти Артема Сергеева мне не удалось, в горбачевское правление он жил отчужденно, не показываясь на людях. Журналисты, похоже, не искали его, то ли забыв о существовании приемного сына вождя, то ли не решаясь в те годы на интервью с сыном распинаемого тирана.

Мне помог случай – когда я брал интервью для одной из газет у вдовы сына Анастаса Микояна, мамы знаменитого музыканта Стаса Намина Нами Артемьевны Микоян, она

вдруг неожиданно произнесла имя Сергеева. Оказалось, что они давние-давние друзья. По моей просьбе Нами Артемьев-на тут же позвонила Артему Федоровичу, который дал согласие на встречу:

– Ко мне ехать так: на машине или на автолайне по Рублевскому шоссе до ресторана «Царская охота», по приезде наберите мой номер, я объясню, как меня найти, пешком десять минут. Вас встретят...

Ухоженный участок земли, сад, вокруг приметы золотой осени. Вроде бы с виду неказистый дом, но войдешь внутрь – просторно, много помещений, старая мебель. На встречу с хозяином меня ведет молодой человек кавказской внешности – то ли помощник-ординарец, то ли охранник кавалера ордена маршала Жукова генерала Сергеева.

А вот и он – Артем Федорович Сергеев.

Навстречу поднимается из кресла подвижный, энергичный, с открытым лицом и уверенным взглядом человек, которому ни за что не дашь 85 лет, хотя именно к этой знаменательной дате он приближается.

Как только заговорили, я понял, что Артем Федорович и душой молод, и памятью остер. Речь его живая, откровенная.

– ...Это место, которое когда-то было скотопрогоном, мама купила за пять тысяч рублей много лет назад. Усадьба была большая, но хрущевские урезания колхозных усадеб нас не коснулись, мать-то не была колхозницей. Хозяином этих мест был некий Клюквин, работал на железной доро-

ге. А нынче в моих соседях уж лет десять пребывает один известный олигарх...

– Артем Федорович, почему так вышло, что о вас почти ничего не известно? Не шутка все-таки – приемный сын самого Сталина, доживший до нынешних времен.

– А все просто – о своей близости к Сталину и его семье я нигде никогда ни с кем не говорил. И мать моя об этом молчала.

– Вы хотите сказать, что ваша мама у властей ничего не просила? Иначе бы ваше инкогнито раскрылось.

– Никогда ничего не просила. Поэтому Власик, возглавлявший многие годы охрану Сталина, думал, что ее давно уже нет в живых.

– А вы можете хотя бы сейчас представиться: «Я приемный сын Иосифа Виссарионовича Сталина?»

– Нет, в таком плане я не представляюсь. Другое дело, что когда-то в тридцатые годы о моем существовании написал в своей книге французский писатель Анри Барбюс. Книга так и называлась «Сталин». А в ней такие слова: «Сталин усыновил Артема Сергеева, отец которого погиб в автомобильной катастрофе». Книга вышла небольшим тиражом, ее мало кто читал. Пожалуй, только те, из верхов, из членов Политбюро. Ну что ж, читали и читали. Жизнь шла своим чередом, и я уже давно понял, что в моем молчании – мое счастье. Я никуда не лез со своей биографией, хотя вокруг было много людей, которые пытались себя по-

казать. Для многих это кончилось плохо.

– Получается, возле Сталина, возле его сына Василия, членов его семьи крутился, простите, какой-то мальчик, и никто им не интересовался?

– Да, примерно так: Сергеев и Сергеев, сын революционера Артема Сергеева, известного как «товарищ Артем».

– А позже, после смерти вождя и его сына Василия? Скажем, Хрущев о вас знал? Он-то, громя сталинское наследство, должен был знать, что у Сталина был приемный сын, друг Василия Иосифовича, которого сам Никита Сергеевич отправил в тюрьму?

– Да, именно так, не знал меня Хрущев, совершенно не знал. И Брежнев меня не знал.

– Ничего не понимаю, ведь вы не просто член семьи главы государства, вы стали генералом Советской армии. Генерал – это не иголка в стоге сена!

– А я и в армии никуда особо не лез. И служил не в так называемом Арбатском округе, а в армии, в войсках, далеко от Москвы. И на западе, и на востоке, и за краем света. В 1937–1938 годах учился в военной школе, стал солдатом, потом курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища. Окончив его в 1940-м, командовал взводом 13-го артиллерийского полка 1-й мотострелковой дивизии. Был командиром батареи и участвовал в боях с фашистами. Мы дрались с вражескими танками, которыми командовали Гудериан и Гот. Имена немецких командиров узнали от пленных.

После того как наши орудия были разбиты, меня назначили командиром стрелковой роты. Мы оказались в немецком тылу, в окружении. Собрали небольшой офицерский партизанский отряд. Попал в плен, оказался в концлагере, потом в тюрьме в Орше. Сумел сбежать.

Конечно, если бы кто-то знал мою подлинную биографию, мою фамилию, мне конец. А так я был просто Сергей Сарычев. И только один человек знал, кто я такой, – знаменитый командир партизанского соединения Флегонтов, он погиб в 1943 году. Ему-то я поведал всю свою подноготную.

– Поскольку вы много лет были со Сталиным рядом, скажите, каким было его лицо? Считается, что оно на фотографиях приукрашено, на самом деле оно было рябым, в оспинах, что очень бросалось в глаза.

– Каким было его лицо? Оно было красивым, не расписным, но красивым, хорошим. Это было красивое лицо, безо всяких изъянов. Говорят – конопатый... Минуточку, но кто это видел? Да, оспинки присутствовали, но они были почти незаметны. Это было лицо умного, простого человека. Мне с раннего детства запомнилось, с каким уважением относились к Иосифу Виссарионовичу все, кто были рядом с ним, общались по работе, по службе.

Как-то у племянницы Надежды Аллилуевой Киры Павловны, которая сама пострадала в годы репрессий, спросили, каким был Сталин, и она ответила: «Если правду сказать – обаятельным он был человеком».

– Ну, хорошо, коль Сталин был вашим названным отцом, как он общался с вами – ласкал, целовал, преподносил подарки? Воспитывал, наконец?

– Да, он был ласковым отцом. По натуре взрывной, импульсивный, но чрезвычайно педагогичный. Он не давал ребенку считать себя несмышленьшим и со мной, с Василием и Светланой на очень серьезные темы разговаривал доходчиво, понятно. Как бы на нашем, еще детском, уровне.

Иногда Иосиф Виссарионович ставил нас друг другу в пример. Когда видел, что у Василия плохие отметки, он его пробирал и ставил в пример меня. Отец знал, что Василию это очень неприятно. Василий был добрым, он мог все отдать, все подарить, но по натуре он был честолюбив и даже властолюбив.

Помимо разных сувениров, я получил от Сталина в подарок две книжки: одну в 1928 году, другую – 1929-м. К сожалению, они у меня пропали. На книге Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» он написал: «Дружку моему Томику, с пожеланием ему вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». Томиком Сталин называл меня в память о моем отце, которого когда-то в эмиграции называли на тамошний манер Томом.

Конечно, он был очень занятым человеком и с детьми занимался нечасто – только когда выпадала свободная минута. Из своего рабочего кабинета он возвращался поздно, но если дети не спали, подходил и разговаривал.

– Вы бывали в его рабочем кабинете?

– Вы сейчас удивитесь, но в те годы, которые я хорошо помню, рабочим кабинетом Сталина была как бы вся квартира. После смерти жены у него не было своего семейного дома. Была комната Светланы, комната Васи, кухня, а дальше – дверь и его комната. Здесь же – небольшое помещение-столовая, может быть, чуть больше этого, в котором мы с вами разговариваем. Налево – его спальня. Направо – большая комната – зал заседаний для узкого круга, а дальше – большой зал заседаний Совета министров. То есть Сталин как бы всегда находился на рабочем месте.

Помню такой эпизод в 1938 году. Сталин посылал в Белоруссию для ликвидации репрессий молодого партийца Пантелеймона Пономаренко. Задание давал ему так: «Вот стоит телефон, – указывал он на свой аппарат, – у тебя будет такой же, а рядом будут лежать книжечки с номерами аппаратуры ВЧ, внутренней кремлевской связи... На всякий случай можешь запомнить и мой телефон. Если что не так, звони, я всегда на месте».

Вот и выходит, что рабочим днем Сталина был и день, и ночь.

– Любопытно, а где приводил себя в порядок глава страны, скажем, стригся, брился? В особой парикмахерской?

– Не совсем в особой, в Кремле была одна парикмахерская на всех. Мне казалось, что брился он сам, потому что никто, на моей памяти, брить его не приходил. А стригся он,

видимо, в той же общей парикмахерской. Она находилась в Кавалерском корпусе. Однажды я, мальчишка, ждал в ней своей очереди подстричься. Приходит Михаил Иванович Калинин, я, конечно же, сразу уступил ему свою очередь. А он в ответ вдруг говорит: «Нет, нельзя... Сейчас твоя очередь, вот и пользуйся ею. Разве есть у нас такие законы, по которым Михаил Иванович Калинин мог бы без очереди в парикмахерской обслуживаться? Нет таких законов. А законы пишу я, и прежде всего я должен их выполнять. А такого закона я никогда не писал и никогда не подпишу его. Так что смело занимай свое место».

– Да, как говорится, «были люди в наше время»...

– Конечно были, вы зря иронизируете. Вспоминаются такие эпизоды, о которых мне подробно рассказывал Иван Александрович Серов, тогдашний министр госбезопасности. Вы наверняка слышали сплетню о том, что Сталин не ездил на фронт, что он всего боялся. Так вот однажды Сталин приказывает: готовьтесь к поездке на Западный фронт! Иван Александрович готовит машины, людей – минимальное количество. Приезжают в штаб Западного фронта. Сталин интересуется, как идет работа, как наша авиация, по ходу хвалит дальнюю авиацию Голованова за то, что она выполняет любые задачи.

Переехали на Калининский фронт. Из штаба он звонит в Москву Маленкову. Маленков спрашивает: «Откуда вы звоните, товарищ Сталин?» Ответ: «Это неважно...» Идет

опять длинный разговор, и снова имя Голованова произносится в превосходной степени. Тогда Сталин говорит Маленкову: «Завтра в газетах напечатать приказ о присвоении Голованову звания маршала авиации». Сразу же по телефону вызывают Голованова, Сталин поздравляет командующего с присвоением звания маршала. Тот говорит, что ничего об этом не знает. Сталин парирует: «Газеты надо читать!»

Второй эпизод: как мы с Василием узнали от Серова о денежной реформе в 1947 году. В присутствии его жены и жены Василия Сталина Кати Тимошенко Иван Александрович вдруг пару раз взглянул на часы и произнес: «Все, ваши денежки плакали... Они больше не действуют». Все замерли. Жена Серова как закричит на мужа: «Ах ты, сволочь, почему мне не сказал?» А он отвечает: «Потому и не сказал, что это дело мне поручили, там наверху знают, что я никому, даже тебе, не расскажу...»

Катя же Тимошенко хладнокровно произнесла: «А мне все равно, у нас кроме долгов ничего нет».

Новые ассигнации 1947 года развозили на боевых кораблях, и Серов сказал, что любому, кто разгласил бы тайну этой операции, грозил неминуемый расстрел.

– Как вы, Артем Федорович, стали приемным сыном Сталина? Я слышал, что вы попали в семью вождя потому, что Сталин хотел, чтобы его сын рос вместе с каким-нибудь пацаном, что называется, легче воспитывать.

– История такая. Мой отец был известным революционером. Со Сталиным они крепко дружили с 1906 года. Оба были делегатами разных еще дореволюционных партийных съездов. Оба побывали в тюрьмах, ссылках. Встретившись в семнадцатом году, уже не расставались до самой смерти отца. А умер отец случайно, в результате автомобильной аварии на 104 километре дороги Москва – Тула. Но, отправляясь как делегат X съезда партии на подавление Кронштадтского мятежа, отец попросил Иосифа Виссарионовича, если что-нибудь с ним случится, присмотреть за моей мамой, которая в то время была беременна мной. А примерно в это же время в семье Сталина рождается сын Василий. Вот и вышло, что с 5 месяцев я фактически жил у Сталиных, в одной комнате с Василием. Потом до 16 лет регулярно у них бывал. И отдыхали на юге мы вместе.

Свою беседу с А. Сергеевым я начал со странного, вроде бы, вопроса – может ли сам Артем Федорович представиться как приемный сын Сталина. Он ответил, что нет, он так не представляется. На этот счет юридического документа не существует, но сохранилось постановление Политбюро, вышедшее сразу после смерти Федора Сергеева в августе 1921 года. В нем 18-м пунктом значится: «Об обеспечении семьи товарища Артема». На заседании ЦИК присутствовали Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Дзержинский. Ответственным за выполнение постановления был назначен Сталин, который и впрямь буквально в течение многих лет вы-

полнял решение ЦИКа, став приемным отцом сыну своего друга...

Василий (сын Сталина и Надежды Аллилуевой) и Артем Сергеев какое-то время жили в одной семье. Правда, вскользь Артем Федорович поведал мне, что несколько лет, а именно с 1923 по 1927 годы, сыновья Сталина (родной Василий и приемный Артем) жили и воспитывались в... детском доме на пятьдесят человек, который располагался в прекрасном особняке на Малой Никитской, построенном в начале XX века архитектором Ф. Шехтелем для предпринимателя, банкира и коллекционера Степана Рябушинского. Позже этот дом правительство подарило Максиму Горькому, лишь бы он вернулся с Капри в СССР. Горький вернулся и, прожив несколько лет, по довольно убедительным предположениям, в этом последнем своем пристанище и был умерщвлен.

Соучредителями и содиректорами дома были Надежда Сергеевна Аллилуева и мама Артема Федоровича Елизавета Львовна. Кстати, определение отпрысков в детский дом А. Ф. Сергеев оправдывает вечной занятостью родителей. При этом детей первого человека в стране отправили не в какой-нибудь элитный храм воспитания, рядом с ними жили полсотни беспризорников. «Вот нас обоих в эту самую компанию», – воскликнул Артем Федорович.

В подаренной мне женой Василия Сталина Капитолиной Васильевой книге «Хроника времен Василия Сталина» есть такие фрагменты воспоминания моего собеседника на тему «Сталин и дети»:

«Когда нам исполнилось по 13 лет, мы с Василием нашли бутылку шампанского. Выпили. Домашние пожаловались Сталину. Он вызвал нас и спросил: “Голова не кружилась? О, значит ваша голова не голова. Еще рано, надо немного подождать”. Наверное, если бы он на нас накричал, мол, такие-сякие, не смейте, мы бы на следующий день еще попробовали...».

«Из современной литературы Сталин любил Зоценко. Иногда нам с Василием читал вслух. Однажды смеялся чуть не до слез, а потом сказал: “А здесь товарищ Зоценко вспомнил про ГЕПЕУ и изменил концовку!”»

«За войну Василий Сталин получил четыре ордена – его товарищи, участвовавшие в подобных операциях, награждались щедрее. А орден Красного Знамени ему дали за то, что он разогнал немецкие бомбардировщики, летевшие бомбить наш тыл. Поднялся в небо на незаряженном истребителе наперерез строю... Командующий, с земли наблюдавший эту картину, не зная, что там сын Сталина, велел награждать летчика...»

– Артем Федорович, судьба тесно соединила вас с сыном Сталина Василием, о котором вы, наверное, знаете все. О Василии Иосифовиче до сих пор гуляет много легенд, это человек и впрямь трагической, во многом неудачной судьбы. Чего стоят, например, его браки, которые, как считают, не принесли ему счастья...

– *Последняя жена Василия – известная спортсменка-пловчиха Капитолина Васильева умерла в мае этого года [интервью взято в 2006 году. – Ф. М.] С этой женщиной Василию повезло, порядочная и верная, она была ему настоящей женой. Вот рассказываю вам и прокручиваю свою жизнь, как в киноаппарате. В 1940 году, числа 10 или 12 декабря, точно не помню, звонит мне Василий и говорит: «Приходи ко мне 15-го на смотрины, я женюсь. Посидим, выпьем, как следует. Познакомишься с моей невестой». Говорю Василию, что не могу, потому что 15-го уезжаю в командировку. Вернулся я в Москву 29 декабря, на какое-то время мы с Василием разминулись, я вернулся в свой полк, Василий – в свой, стоявший в Люберцах, поэтому Капитолину я увидел несколько позже.*

– И каково же было ваше впечатление?

– *Про Капитолину я вам скажу чуть позже, а вот про первых жен хочу сказать немедленно. Первая жена Василия*

Галя Бурдонская – простушка, веселенькая, легкая девочка, без всяких претензий. Можно сказать, что она была без изюминки, и Василию с ней было неинтересно.

Потом он встретился и сблизился с Катей Тимошенко, дочерью знаменитого маршала. Эта особа была царственной красоты и вместе с тем холодная, как лед. Я чувствовал, что в их доме уютно, холодно, неприветливо. Дети неухоженные, полузаброшенные, и Василий забрал их.

А теперь дорасскажу о Капитолине Георгиевне. Это была серьезная, деловая, русская женщина. Спокойная, духовно и физически сильная, она была человеком, знающим цену труду. Недаром Капитолина стала чемпионкой Советского Союза по плаванию, причем на большие дистанции. Отпущенную ей Богом жизнь она прожила в вечной заботе, постоянном труде. Василий-то был очень импульсивным человеком, и жить с ним было нелегко. Каким же терпением и нравственной силой надо было обладать Капитолине, чтобы держать Василия в порядке. Василий чувствовал силу ее влияния и за это бесконечно жену уважал.

– Вы с ней общались в последнее время?

– Общался. К сожалению, она ослепла, дела ее были плохи. Капитолина хорошо относилась к детям Василия, а он – хорошо к ее дочери. Хочу добавить в память и о Василии, и о Капитолине, что она пыталась создать ему теплый, семейный, уютный дом.

– А как вождь относился к женам сына: к первой, второй,

третьей?

– *Всего не знаю. Но, насколько мне известно, к Капитолине Георгиевне он относился с большим уважением и, хотя видел ее нечасто, понимал, что всего в жизни она достигла своим трудом и упорством.*

– Простите, Артем Федорович, разъясните мне, пожалуйста, кое-что... Летом 2002 года я летал в Лондон, чтобы взять интервью у Бориса Березовского. Спросил Бориса Абрамовича о роли случайности в нашей жизни. Его ответ меня поразил. Размышляя на эту тему, он вдруг заявил, что он, Березовский, родственник Сталина! Ошеломленный, я спросил: как это может быть? Он рассказал, что в детстве много времени провел на даче у бабушки в Подрезкове. По соседству жил человек по фамилии Мороз, который одно время был мужем Светланы Аллилуевой, дочери Сталина. Семьи общались, и через много лет внук Светланы и Мороза Илья и дочь Березовского Лиза поженились. Лиза родила сына, который по прямой родословной стал одновременно правнуком Сталина и внуком Березовского. Как вы это прокомментируете?

– *Что тут сказать. На самом деле первым мужем Светланы был Григорий Мороз. Я слышал, что у этого Мороза были весьма неблагозвучные дела: странная демобилизация из армии, непонятный род занятий, богемный образ жизни. Но сын от этого брака Иосиф стал доктором, профессором. Я его знаю как скромного и порядочного человека.*

Он крупный российский кардиолог, доктор медицинских наук, работает в Медицинской академии имени Сеченова [И. Г. Аллилуев умер в Москве 2 ноября 2008 года. – Ф. М.]. Так что выходит, Березовский вас не обманул, всякое в жизни бывает. Получается, что сын Иосифа Аллилуева был женат на дочери олигарха.

– Артем Федорович, несерьезный, быть может, вопрос. Вашим ближайшим другом был человек, который любил крепко выпить. Поддавались ли вы влиянию Василия Сталина на этом фронте?

– *Не буду скромничать и юлить. Как человек, прошедший войну, побывавший во всяких передрягах, я, конечно же, при случае, а случаи бывали нередко, пропускал рюмку-другую. Что сказать, нашу жизнь, к сожалению, без этого не представить. Праздники, трагедии, свадьбы, поминки... Как тут не выпить? Конечно, Василий в смысле алкоголя давил на всех своих друзей. Он был компанейским, веселым, и отказать ему в компании было трудно. Так что всякое бывало, но при любой возможности я держался, как мог.*

– Когда вы последний раз виделись с Василием Сталиным?

– *В конце 1953 года. Он уже был арестован и находился в военном госпитале, но пройти к нему еще разрешали. К нему приходили его товарищи, спортсмены, футболисты. Он продолжал жить своей работой, хлопотал о спорте.*

А потом Владимирский централ, ссылка. Я же служил

не в Москве. Видеться мы уже не могли. Один раз Светлана, его сестра, навещала брата в тюрьме. Катя Тимошенко несколько раз туда тоже приезжала.

О его смерти в 1961 году в Казани я узнал не сразу, уже позже эту страшную новость мне сообщила по телефону моя мама. Все последние годы он жил словно в клетке: восемь лет тюрьмы, потом ссылка, полное одиночество.

О Василии, моем друге и брате, написано много неправды. И сегодня его облик продолжают искажать. Пишут о его хулиганских поступках, о пьянстве... Если что-то и было из-за его импульсивного, порой несдержанного характера, то что тут поделать, он был отпрыском великого, сложного человека, которому далеко не всегда удавалось общаться с сыном, направлять его по правильному пути. Это трудно понять, но образ жизни Василия был таким, что часто в доме было нечего есть. Только несколько дней после полочки: выпивка и закуска, полно друзей, а потом – шаром покати, надо было приходиться со своей буханкой хлеба...

– Вам приходилось много общаться и со Светланой Аллилуевой. Вы, наверное, согласитесь, что у нее тоже трагическая судьба?

– Конечно, гибель матери, отношения с отцом, замужество и другие обстоятельства делают драматическими ее жизнь и судьбу. Об этом можно много говорить, но я хочу отослать вас к последнему письму Василия Сталина Молотову. Написано оно из тюремной камеры. Василий про-

сит Вячеслава Михайловича задать арестованному Берии несколько вопросов, на которые он непременно должен ответить. Эти вопросы должны касаться судьбы Сталина и всей его семьи, без ответов на них многое останется неясным, непонятным. Василий пишет, что отцу многое было неясно, что, быть может, лучше всех отца знал только Киров, что трагедия семьи начинается с 1930 года. О каких событиях Молотов должен был узнать у Берии, неизвестно, но мне кажется, что многое давно уже кануло в вечность.

Да, сталинская семья, судьбы тех, кто был в родстве со Сталиным, оставили много загадок.

– В том числе и судьба вашего отца, Федора Сергеева, погибшего в самом расцвете сил. Но вот удивительно, его партийное имя – Артем многим и сегодня известно. А ведь после его гибели прошло 85 лет. Почему же он так популярен, как вы считаете?

– Мне приятно отметить, что вы правы: для Донбасса это имя культовое и сегодня. Знаменитый город Артемовск назван в его честь, и никакие попытки переименовать его обратно в Бахму не дали результата. На Дальнем Востоке есть тоже городок Артем. Именем отца названы улицы, монумент Сергееву возвышается даже над Святогорской лаврой. Товарищ Артем был любимым в народе большевиком, которому рабочие безоговорочно верили. Ленин прочил его в председатели Совнаркома.

В целом биография отца насыщена удивительными, пря-

мо-таки фантастическими событиями: тюрьмы, эмиграция во Францию, знакомство с Лениным, жизнь в Австралии...

Будучи студентом МВТУ в Харькове, он знакомится с лидером партии кадетов Милюковым, великим нашим ученым Мечниковым, которые были восхищены взглядами, позицией Сергеева на самые важные проблемы тогдашнего бытия. Мечников прямо ему сказал: «Я живу и работаю в Париже, в институте Пастера, знайте, что двери моего дома всегда открыты для вас».

Неожиданный эпизод произошел исторически недавно, на XXIII съезде КПСС. На трибуне выступал Генеральный секретарь австралийской компартии, который заявил, что марксизм в Австралию привез русский, и у вас его звали Артем, а у нас Биг Том.

Отец был очень образованным человеком, знал несколько языков. Его смерть для матери стала непоправимым ударом, ей было только 25 лет, но замуж она больше не выходила.

– Я читал, что ваш отец знал чуть ли не всю партийно-культурно-военную элиту послеоктябрьской России. Его все уважали, с его мнением считались.

– Отец был секретарем Московского комитета партии и, конечно же, общался с сотнями людей. Он хорошо знал Василия Ивановича Чапаева, Котовского. Кстати, Котовский пришел к отцу с жалобой: «Почему “они” меня ненавидят и

называют “бандитом?”» «Они» – это Михаил Тухачевский, Владимир Антонов-Овсеенко и Юрий Коцюбинский.

Общался с отцом и певец Вертинский. Но тут разговор особый. Вертинский, как я понял, чуть повзрослев, был не совсем тем, которого мы знаем. У него было два лица, одно для того, с кем он говорил, а другое – для всех остальных. Так считал сам отец. Эстет Вертинский интересовался... рабочим движением, полицейским сыском... Расспрашивал отца о том, о сем: где он бывал, с кем общался, проникался партийными делами...

Отец оставил о Вертинском интересные воспоминания. Но куда они запропастились, неизвестно. В доме было столько переворотов, катавасий, что не дай Бог. Записки же написаны рукой отца. Одна такая: «Артист Вертинский не нашего толка, но наш. Кормить». Эту записку я подарил жене Александра Николаевича. Отец говорил матери, что Вертинский только снаружи аристократ, а внутри он наш – демократ.

Сохранилась и вторая записка: «Артист Вертинский. Руководитель рабочей самодеятельности. Голоден и бос». Каменеву, председателю Моссовета (указан телефон), Реввоенсовету (указан телефон) были даны указания помочь артисту.

Сталин также был высокого мнения о Вертинском. Я сам слышал у Сталина дома разговоры об артисте. Нам всем: Василию, Светлане, он, конечно, нравился. Это было

еще задолго до войны. Когда все слушали пластинки Лещенко, ходили на его концерты. А Сталин сказал, что такие, как Лещенко, есть, то есть их немало, но Вертинский один. Когда Сталину говорили, что он поет для буржуев, и это, дескать, нам не нужно, Сталин парировал, что кроме пролетариев и буржуазии есть и другие слои, другие слушатели, ценители искусства.

– А Троцкого помните?

– Конечно. Точно помню, мне было шесть лет, когда обратил на него внимание. И сразу же отрицательное впечатление – всегда злой, глаза пронзающие, холодные. Первое впечатление от встречи с ним – что это недобрый человек. Моя мать работала одно время директором туберкулезного санатория в Нальчике. Когда Троцкого и его последышей выметали, они приехали туда отдыхать. Целым эшелоном приехали, на автомобилях. Каждый день на охоту ездили. Люди говорили: «Троцкисты понаехали, пусть едут дальше...»

Отец и Троцкий были врагами. Окружение отца всегда остерегалось, чтобы они не подрались при встрече, потому что отец владел приемами борьбы, и он бы этого Иудушику уложил. Ведь отец выступал даже в японском цирке. Друзья его вспоминали, что он никогда просто так не махал руками, но делал точный удар, тычок в соответствующее место и разил противника. Так вот все вокруг и боялись, что товарищ Артем уложит Троцкого насмерть.

– Берия остался в памяти?

– *Еще бы! Впечатление темное. Когда в дом к Сталину приходил большевик Лакоба, в доме становилось теплее и светлее. Когда же приходил Берия, он давил собой.*

Но Берия – это колоссальная фигура, ничего не скажешь. Вся атомная энергия была на нем. Не зря Курчатов советовал, даже настаивал, чтобы вместо Молотова во главе атомного проекта поставили Берия. Кстати, вы, возможно, не знаете, что его сын Серго Лаврентьевич был очень талантливым конструктором. Он работал в Москве и Киве, а когда ушел из проектов, это стало большой потерей для науки. Умер Серго недавно, ему было чуть за семьдесят.

– Артем Федорович, вопрос в лоб: как вы относитесь к репрессиям в стране, к страшному 1937 году? По-вашему, это правда или, может быть, преувеличение? Например, мой дед, врач по профессии и интернационалист по взглядам, член Коминтерна, сидел в Бутырке. Но, слава Богу, выжил.

– *Репрессии я не отрицаю. Они были. Другое дело – почему они происходили, откуда возникло это явление. Я считаю, что они явились результатом колоссальной классовой борьбы, с одной стороны, и ошибочных воззрений на так называемую мировую революцию старых большевиков, марксистов и коминтерновцев, к которым, видимо, ваш дед и принадлежал – с другой стороны. Они считали, что главное – начать, а там, дескать, нас поддержит мировой пролетариат. Старая гвардия проповедовала уничтожение всего ста-*

рого мира. А строить новый мир – помните, «мы наши, мы новый мир построим» – она не была идеологически подготовлена. Она уповала на Запад, на то, что вот-вот советскую власть поддержит весь мир.

Но Сталин быстро понял, что мировая революция нас не поддержит. Революционные движения в Венгрии, Германии и других странах были подавлены. Сталин понимал, что Европа еще не готова к каким-либо изменениям, она еще не созрела для них.

Я помню разговор между Василием Сталиным и отцом на эту тему. Василий был за то, чтобы начать обновление мира в других странах нашими руками, нашими лозунгами, нашим оружием. «Мы пойдем туда, для нас не будет границ», – пафосно провозглашал он. А Сталин ему отвечал: «А тебя туда зовут? Сначала надо сделать так, чтобы у нас в Советском Союзе все было хорошо, чтобы народу нравилась жизнь при новом строе. И когда наша жизнь, наши достижения, наша мораль будут приняты другими, понравятся им, тогда они, возможно, попросят нас изменить и их жизнь».

– Вы, конечно, член КПСС?

– Да, я вступил в партию безо всяких колебаний в 1940 году.

– Как вы относитесь к нынешнему руководителю КПРФ Зюганову?

– У меня о нем самое высокое мнение. Зюганов – фигу-

ра. Ведь у него тяжелейшие условия для работы, все против него и его действий. Но он и его партия держат удар, они в рейтинге партий – вторые. Зато самая отвратная, но и самая серьезная, умная, хотя и злоецащая фигура – это Жириновский. Он и дальше будет отнимать голоса у коммунистов.

– Как вы стали генералом Советской армии?

– До того, как стать генералом, я семь лет занимал должность со штатной категорией генерал. То есть командир бригады. Была война, и я должен вам прямо сказать, что да, я рос на крови, на костях кого-то убитого, пропавшего без вести, взятого в плен. Гибнет командир дивизиона, и я, командир батареи, оказываюсь самым опытным из живых артиллеристов и наиболее подходящим комдивом. Я получил несколько ранений. Когда человек приходит из госпиталя в часть, к нему совсем другое отношение. Ведь он многое повидал, многое испытал. Так вот после очередного ранения и возвращения в строй меня назначают начальником штаба полка. Погибает заместитель командира полка, и я становлюсь на его место. Увозят в госпиталь едва живого командира полка, и я – командир полка.

Я рассказываю вам только то, что было со мной. Командиром полка я стал в 1943 году, 20 мая. Хотя в звании я был майором при полковничьей должности. Комдивом я стал в звании лейтенанта. Почему? Не осталось стреляющих офицеров. В артиллерии, как и в авиации, можно но-

сить любые погоны, но либо ты пилот, либо не пилот.

Все время моего общения с приемным сыном Сталина Артемом Федоровичем Сергеевым, а говорили мы, наверное, полдня, я косился на стопку каких-то истертых блокнотов, лежавших на краю стола. Не выдержал, спросил: «Что это за тетради, уж не мемуары ли?» Сергеев ответил, что много лет записывал по памяти о событиях, какие случались с ним, о людях, с которыми пришлось встречаться, и, конечно же, об Иосифе Виссарионовиче Сталине – таком, каким его видел, знал и помнит сегодня. Я попросил привести какой-нибудь фрагмент из этих воспоминаний. Он согласился, и я подумал, что это будет вновь рассказ о Сталине, но Артем Федорович вспомнил войну...

– Мы ведем бой с немецким танком. Зажгли его. Как командир, я полез посмотреть в кабину, что там и как. В эту минуту меня настигает пуля... Подстрелили. Вылезаю – и ползком по снегу с солдатом-радистом к нашему блиндажу. Знаете, что представлял собой этот блиндаж? Он был собран из... трупов наших и немецких солдат... Для тепла, для сохранности жизни. Замерзший труп пуля не пробивает. Этот ужас застыл во мне на всю жизнь. Такой была первая военная зима.

– А лучшее время жизни?

– Оно тоже связано с армией, с... войной – когда я был командиром полка, когда я чувствовал, что честно выполняю свой долг, как говорится, действую до отказа. Ведь сколько

бы медальных дырок мне ни насверлили за войну, в мои ноги только в одном бою семь пуль загноили. А руку мне Бакулев оживил, в нее попала разрывная пуля.

Вроде бы странно – лучшее время жизни связано с адом? Но ведь я был тогда молодым и верил, что со Сталиным мы одолеем любого врага.

– Ваша жизнь сегодня – это, наверное, и посещение могил близких людей, тех, с кем вы оказывались в тяжелейших обстоятельствах?

– В день рождения отца и в день его смерти прихожу на могилу возле Кремлевской стены. И, конечно же, к захоронению Сталина приношу цветы. Недавно посетил могилу Надежды Сергеевны Аллилуевой на Новодевичьем кладбище.

2006

Глава 2. Последний кремлевский нарком Николай Байбаков: «Я кашлянул, и Сталин обернулся»

Знаменитый «брежневский» дом на улице Щусева (ныне – Гранатный переулок). Хозяином квартиры на шестом этаже, в которой когда-то обитала дочь генсека Леонида Ильича, стал последний Председатель Верховного Совета Российской Федерации и активный участник противостояния властей в октябре 1993 года Руслан Хасбулатов, а двумя этажами выше проживал до своей смерти 31 августа 2008 года Николай Константинович Байбаков, последний сталинский нарком. Целых 22 года он возглавлял экономический штаб Советского Союза – Госплан. Оформив заслуженную пенсию в 1985 году, в течение долгих лет он продолжал приходить на работу в свой кабинет, расположенный в Институте проблем нефти и газа на улице Губкина. Байбаков консультировал Горбачева и Ельцина, встречался с Путиным. Его познания в области экономики, и особенно проблем нефти и газа, были колоссальны. Он – свидетель многих событий, происходивших в годы существования СССР. При этом человеке страна зарождалась, он пережил и ее конец.

В дом к Байбакову я попал по рекомендации знаменитой целительницы Джуны. По легенде, Николай Константинович

рекомендовал ее Брежневу, и, говорят, она помогала Леониду Ильичу в конце жизни, что называется, держаться на ногах.

Когда в 2005 году я шел на улицу Щусева, думал, что нелегко будет общаться с человеком столь преклонного возраста (в то время ему было 94 года, скончался он три года спустя). Но я ошибался. Николай Константинович прекрасно мыслил, все помнил, охотно говорил о прошлом. Ему несколько не помешала пара рюмок водки во время рассказов о великих личностях, с которыми его сводила судьба.

Благодарю внучку Николая Константиновича Машу и ее мужа Геннадия Филипповича, которые также участвовали в беседе и без помощи которых мое журналистское любопытство не было бы удовлетворено полностью.

Байбаков с легкостью вспоминает все в деталях. Иногда кажется, что описываемые Николаем Константиновичем события были не так давно. А ведь со времен правления Сталина прошло более полувека.

– В подробностях помню все свои встречи со Сталиным, – рассказывает мой собеседник. – Вот одна из них. Меня вызвали в Кремль. Поскребышев, помощник генералиссимуса, в приемной дал совет: «Немного подождите, Иосиф Виссарионович сейчас ищет на полках нужную ему книгу. Когда я скажу, войдете в кабинет и, если он не оглянется, тихонько кашляньте». Так я и сделал. Тихо прошагал в кабинет, уставленный книжными полками. Остановился, смотрю –

стоит Сталин, спиной ко мне. Ну, думаю, подожду, кашлянуть всегда успею. Посмотрел, как он выглядит: одет в серый френч и мягкие сапожки. «Очень скромно для первого человека в государстве», – подумал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.